

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
PHILOSOPHICAL SCIENCES

УДК 304.4

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ БЫТИЕ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:
ИСТОРИОСОФСКИЙ РАКУРС**

С.В. Кулик

**GEOPOLITICAL EXISTENCE OF RUSSIAN CIVILIZATION:
HISTORIOSOPHICAL PERSPECTIVE**

S.V. Kulik

Аннотация. Автор исходит из «островной» интерпретации цивилизационного феномена. Бытие российской цивилизации насчитывает около пятисот лет, и ее специфика определялась во многом контекстом противоборства с западной цивилизацией, генезис которой происходил одновременно с российской. В настоящий момент Западный мир, претендующий на универсализм собственной культурно-цивилизационной модели, представляет собой комплексный вызов российской цивилизационной инициативе, активизируя воздействие на переходные территории, что выражается в том же обострении Украинского вопроса. В то же время цивилизационная неопределенность постсоветской России объясняется в том числе колебаниями политики российского руководства, то ориентирующегося на логику национального государства, то не скрывающего имперских цивилизационных намерений. В заключении делается предположение о том, что под давлением объективных обстоятельств в будущем фактически неизбежно превращение России в «цивилизацию для себя».

Abstract. The author proceeds from the "island" interpretation of the civilizational phenomenon. The existence of Russian civilization dates back about five hundred years, and its specificity was largely determined by the context of the confrontation with Western civilization, the genesis of which took place simultaneously with the Russian one. At the moment, the Western world, claiming the universalism of its own cultural and civilizational model, is a complex challenge to the Russian civilizational initiative, activating the impact on transitional territories, which is expressed in the same aggravation of the Ukrainian issue. At the same time, the civilizational uncertainty of post-Soviet Russia is explained, among other things, by fluctuations in the policy of the Russian leadership, which either focuses on the logic of the nation-state or does not hide its imperial civilizational intentions. In conclusion, an assumption is made that, under the pressure of objective circumstances, in the future, the transformation of Russia into a "civilization for itself" is virtually inevitable.

Ключевые слова: российская цивилизация, западная цивилизация, лимитроф, лимб, островная концепция, этнонациональная политика.

Keywords: Russian civilization, Western civilization, limitroph, limbus, island concept, ethno-national policy.

Нет смысла особенно доказывать ставшим уже расхожим утверждение об обострении отношений России с Западным миром, в рамках которого специальная военная операция выступает наиболее острым симптомом проявления упомянутого противостояния. Последнее целесообразно рассматривать именно с методологических позиций цивилизационного подхода, об актуализации которого писал отнюдь не только С. Хантингтон, весьма прозорливо увидевший линии снова заявляющих о себе международных противоречий, которые, собственно говоря, никуда не исчезали, но зачастую существовали латентно. Этот подход был поддержан рядом видных отечественных ученых уже в конце 90-х годов (Б. Ерасов, А. Панарин, В. Цымбурский и др.). В 2000-е годы показательно, что в наиболее расширенном социально-философском осмыслении глобализационных процессов, предложенном директором Института глобализации М. Делягиным, именно цивилизационной конкуренции придавалось одно из решающих значений. Не менее важно, что в рамках упомянутого исследования его автор не спешил объявлять о субъектности российской (православной) цивилизации. По его мнению, можно пока говорить «о продолжающей распадаться советской или о складывающейся на ее руинах российской цивилизации», находящейся в стадии формирования [4, с. 599–600].

Вместе с тем сам факт СВО и брошенный западному миру вызов, с нашей точки зрения, позволяют ставить вопрос о заявившей о себе российской цивилизационной сущности. В связи с этим представляются уместными рассуждения о проблемах и перспективах Российской цивилизации на глобальном поприще. Сразу следует подчеркнуть, что Россия может выступить социокультурным барьером в плане распространения западного проекта политкорректности, ознаменовывающего фактически полное забвение традиционных христианских ценностей, которые выступают фундаментом как Европы, так и России. Последняя пока еще в состоянии выстроить глубоко эшелонированную оборону из традиционного культурного фундаментализма, не допустив разгула ЛГБТ, гомосексуальных браков и т. п. Тем не менее социокультурный проект политкорректности – далеко не единственная проблема, с которой сталкивается Россия, пытающаяся обрести собственную цивилизационную устойчивость. Не похоже, чтобы внутренний политический истеблишмент в полной мере осознал отечественную цивилизационную самодостаточность.

В данной статье мы намерены заняться обоснованием правомерности наделяния России цивилизационным статусом, через историософское рассмотрение ее главным образом геополитического и культурно-исторического бытия. Общая цель настоящей работы заключается в доказательстве онтологической сущности российской цивилизации, сделав основной упор на рассмотрение процессов ее внешнего контекста. В рамках этого намерения мы прежде всего рассмотрим суть «островного» подхода Вадима Цымбурского, который после смерти мэтра развивается воронежским исследователем Станиславом Хатунцевым. Именно «островная» концепция служит для нас методологической опорой при исследовании отечественного цивилизационного бытия. Затем нам предстоит

экскурс в исторические аспекты российской цивилизации, который будет сопровождаться рассмотрением ситуации в европейском сегменте пространств Великого лимитрофа, откуда зачастую исходят ключевые геополитические вызовы в отношении России. Наконец, некоей завершающей задачей будет краткий анализ шагов российского политического руководства с точки зрения их цивилизационного самосознания. С нашей точки зрения, новизна предложенного небольшого исследования заключается в уточнении как сущности отечественной цивилизации через рассмотрение геополитического контекста, так и некоторых проблемных вопросов, связанных с цивилизационной идентичностью.

Согласно концепции В. Цымбурского и С. Хатунцева, любая цивилизация представляет собой своеобразный «остров», или этноцивилизационное ядро, имеющее сакральную (религиозную или идеологическую) легитимацию. При этом цивилизационное ядро обрамляют «проливы» – лимитрофы и лимбы, куда менее устойчивые в культурно-цивилизационном отношении. Ученые предлагают весьма гибкую модель переходных территорий, интерпретируемых в качестве «проливов». Например, расположенные между российской этноцивилизационной платформой и романо-германской пространства, включающие восточноевропейские страны, «которые примыкают к этой коренной Европе, но не входят в нее» [15]. Такие переходные территории получили обозначение «лимитрофов» (от латинского слова лимес – граница). В то же время существуют и такие цивилизационные окраины – лимбы, которые сохраняя политико-культурную приверженность в отношении «своей» цивилизации, тем не менее испытывают кое-какие воздействия соседней цивилизации» [14]. Если обратиться к российской цивилизационной проблематике, то характеристиками лимитрофа на данный момент времени обладает современная Украина, стремящаяся утвердиться в качестве национального государства, в то время как в качестве лимбов можно рассматривать большинство восточноевропейских стран, ставших окраиной (периферией) западного мира, тогда как лимбом российской цивилизации, по нашему мнению, все еще можно считать Республику Беларусь.

Ядро отечественной цивилизации сформировалось уже в допетровское время (XVI–XVII вв.) на базе окраинных, азиатских, тюрко-монгольских территорий. В. Цымбурский солидарен с расхожим евразийским тезисом, возводящим во главу угла синтез славянских, финно-угорских и тюрко-монгольских элементов, отрицающим весомость идеи панславизма. Славян следует отнести к таким этническим группам, которые размещаются на промежуточных лимитрофных пространствах, в то время как «становящиеся» русские занимают пространство, только слабо соприкасающееся с областями проживания славян по окраине «коренной» Европы [14].

Пояс Великого Лимитрофа охватывает «мир междумирий», который протянулся на протяжении от Финляндии до Кореи огромной дугой, соприкасающейся со всеми основными цивилизациями Старого Света. Нынешняя культургеография материка сформировалась прежде всего благодаря российским

действиям XVI–XX вв., что положили предел внутриконтинентальным протяженностям евро-азиатским перифериям старых цивилизаций Европы, ислама и Китая. Россия от них оставила только «дугу земель по периметру огромной платформы, присвоенной, хотя и полностью не освоенной русскими. Эта дуга соединила все материковые подступы к ядровым платформам цивилизаций теплых морей в потенциально единую мегасистему Великого Лимитрофа – от Финляндии до Кореи» [14].

По мысли В. Цымбурского, становление отечественной цивилизации происходило фактически одновременно с западной. Если в X–XV вв. земли Руси представляли собой цивилизационные окраины как «коренной» Европы, так и Передней Азии, то в XVI веке происходит очевидная перетрубация в православном геокультурном пространстве – «святые места Византии захлестнул тюрко-мусульманский прилив, зато на севере ислам проигрывает православию, создавшему эсхатологический миф последнего Третьего Рима». Выступая сперва оплотом «другого христианства», которое католичество воспринимало как «схизму», Россия впоследствии заявила собственную самодостаточность в отношении как Запада, так и Востока будучи «отмеченной сразу и православием, и большевистским коммунизмом как двумя неизбежно отложившимися в истории воплощениями российской сакральной вертикали» [14].

По сути дела сразу же российская цивилизация вступила в конкуренцию с западной за расширение сфер влияния. В средневековый период, когда только происходило самоопределение восточно-православного и западного миров, между ними существовали весьма расплывчатые границы. Так, большинство населения ВКЛ (Великого Княжества Литовского) было православным, что выступало серьезным определителем политики литовских князей. Но впоследствии неравноправная уния с Польшей закрепляет за литовскими землями статус окраины западного мира. Другой стороной названных процессов явилась переориентация на Москву многих территориальных субъектов (княжеств), ранее в период монголо-татарской экспансии добровольно вошедших в состав ВКЛ.

Ареной наиболее интенсивных межцивилизационных антагонизмов выступали все же западные окраины Московского царства, а впоследствии и Российской империи. Показательно в этом плане стремление России закрепиться на Балтийском побережье, чему постоянно стремился всячески помешать западный мир. На острие подобных усилий могли выступать либо окраинные государства вроде Швеции, либо межцивилизационные (лимитрофные) страны, вроде Речи Посполитой.

В период Империи Россия предприняла ряд вполне успешных экспансий на Запад, что В. Цымбурский определяет через концепт «циклов похищения Европы» [15, с. 12]. Произошло присоединение польских земель, что с российской стороны, как можно полагать, инициировалось в первую очередь из социально-экономических соображений – плодородные земли Восточной Европы.

Политико-идеологическая мотивация оставалась скорее на задворках, так как полякам была предоставлена широкая внутренняя автономия, а ни о какой русификации речь поначалу не шла. И все же исторический характер отношений России с ее польскими окраинами наглядно демонстрировал, что эти территории явно выбивались из российского политико-культурного пространства, даже несмотря на очевидные преференции, сделанные Александром I (Конституция 1815 г.).

Целесообразно считать, что для Польши были весьма типичны черты, присущие практически всем лимитрофным территориям, выступающим «в качестве ключевой связки двойной цивилизационной системы Европа – Россия» [7, с. 180]. Согласно выкладкам В. Цымбурского и его коллеги М. Ильина, в этих землях «сплошь и рядом возникают искусственные «подвижки к Европе» через подчеркивание неких квазиевропейских качеств». Местные народы упорно стремятся «вернуться» или «вписаться» в Европу, что тем не менее встречает противодействие экономических, социально-психологических и иных обстоятельств. Национальные элиты относят себя к «настоящей» Европе, воспринимая собственных восточных соседей только в качестве азиатов [14]. Из этого возможно предположение, что в декларировании собственной европейской (западнической) идентичности восточноевропейскими элитами надо видеть средство их собственного национального самоутверждения. Подобный тренд есть результат успешного навязывания видения Западной модели в качестве мирового цивилизационного образца.

Между тем применительно к Восточной Европе можно назвать как минимум два мешающих этому обстоятельства. Во-первых, собственно Запад не спешит включать названные территории в свой цивилизационный ареал [3]. Например, если поляки видят азиатчину в русских, то немцы приписывают то же самое уже самим полякам. Имеется множество примеров непоследовательности западной политики в отношении восточных европейцев. Здесь можно вспомнить коллективную помощь Запада независимой Польше в 1920 г., которая воспринималась в качестве форпоста против распространения большевизма и спустя девятнадцать лет оставление той же Польши на растерзание армиям вермахта, несмотря на существующие дипломатические договоренности.

Во-вторых, типичная «европейскость» отнюдь не полностью вписывается в социокультурные характеристики восточноевропейских народов, а порой даже противоречит им. Так, беспроблемный отказ от советского мышления тем не менее не сопровождался тотальным принятием сугубо западных либеральных ценностей. По мысли Н. Коровицыной, культурному сознанию чехов присущ «гибрид» ценностей индивидуализма и «семейно-родственной» солидарности. Даже во время Пражской весны 1968 г. на волне реформаторских устремлений лишь 5 % утвердительно отвечали на вопрос – «хотели бы вы возвращения капитализма?». В разгар бескровной «бархатной революции» в конце 1989 г. твердо высказались за капиталистический порядок те же 5 %, в то время как 90 % разделились на две примерно

одинаковые группы. Если первая склонялась к «социализму с человеческим лицом», то вторая за смешанную экономику [8, с. 272–273]. Даже известная своим антикоммунизмом польская «Солидарность» была довольно далека от западного либерализма, склоняясь «скорее к предшествующему периоду консервативной модернизации», чем к рыночному прагматизму [8, с. 159]. Эксперт восточноевропейских стран Н. Коровицына приходит к выводу, что экспансия рыночных структур не стимулировала здесь ожидаемый рост индивидуализма [8, с. 276].

И все же лимитрофный характер восточноевропейских территорий их межцивилизационность, на наш взгляд, предопределили конечную неудачу отечественной цивилизации сделать из этих земель собственную окраину. Откровенно утопичными оказались проекты панславянизма, популярные в XIX в., а в следующем веке не продемонстрировала особенной устойчивости и социалистическая система, развалившаяся при ослаблении политико-идеологических скреп.

Предлагая в 1993 году свое видение отечественного гецивилизационного неоиоляционизма, В. Цымбурский констатировал: «Россия, покидая «территории-проливы», отходит «к себе», на «остров», с предельным восстановлением дистанцированности от иных евроазиатских этноцивилизационных платформ» [15, с. 21]. Однако довольно быстро этот же ученый вынужден был признать, что пространства, от которых «отхлынула» Россия, тут же стали полем экспансии иных геостратегических центров. Причем если одни из них представляют собой соперничающие цивилизации (Запад), то другие, даже являясь народами-интервалами, тем не менее претендуют на собственное лимитрофное империостроительство (пантюркизм). Как писал В. Цымбурский, «идет борьба за контроль над различными секторами Лимитрофа, причем она постоянно увязывается с общей игрой его народов на повышение своего статуса и веса, в том числе за счет ядерных платформ». Причем нередко лимбы соскальзывают в лимитрофы и наоборот [14].

На более современный лад перекладывает данные идеи С. Хатунцев, констатируя претензии западного сообщества на универсальную цивилизованность, что является серьезным вызовом русскому миру. Запад небезуспешно распространяет свое влияние на лимитрофы и на непосредственные окраины – лимбовые территории российского культурно-исторического мира. Уже давно Запад стремится к утверждению в Центральной Азии – сегменте Великого Лимитрофа, что тем самым усиливает его и без того «хроническую систематизирующую нестабильность» [13, с. 45–46, 48].

Закономерно, что со стороны Западной цивилизации не прекращаются активные попытки поколебать гецивилизационные позиции России. По данному поводу рефлексия западного мира носит безальтернативный характер. Идеолог II Рейха П. Рорбах писал в годы Первой мировой войны: «Устранение русской опасности, если время будет этому способствовать, последует путем отделения Украинской от Московской России – или эта опасность

вообще не сможет быть устранена» [2, с. 455]. К сожалению, обстоятельства последних лет четко свидетельствуют о том, что поставленная задача в целом выполнена, а современная Украина вошла прочно в орбиту западного влияния. Последовательные шаги, которые предпринимает Запад, заключаются в том, чтобы всячески ограничить российское влияние посредством внесения культурной сумятицы не столько в ядро российской цивилизации, сколько в окраины, дабы усилить здесь и без того ощутимые тенденции противоположного цивилизационного воздействия. Неслучайно идея украинской нации как политический проект стала реализовываться первоначально на территории Галиции, находящейся под юрисдикцией Австро-Венгрии, а уже затем на подконтрольных Российской империи землях. Причем по ходу применялось совокупность мер идеологического и административно-политического плана, включая прямые репрессии [2, с. 480].

В то же время следует признать, что вызовы отечественной цивилизации исходят не только от Запада. Вряд ли маловажное значение имеют внутренние процессы, многие из которых целесообразно рассматривать в исторической ретроспективе, видя здесь инерцию советской политики. По словам М. Ильина, СССР проводил политику «симуляции государственности союзных республик», в рамках которой имелось противоречивое сочетание национализаторской и советизаторской политических линий. Первая из них предполагала усиление национальной составляющей, поддержку культурного развития титульной нации и продвижение ее представителей в республиканские органы власти. Вектор второй был направлен на консолидацию «новой исторической общности советских людей», или по-другому, на укрепление советского патриотизма. В тех или иных союзных республиках складывались собственные комбинации обозначенных линий. Если в Молдавии и Прибалтике доминантой выступала национализаторская тенденция, то в Белоруссии на первый план вышла советизация, а на Украине обе эти линии «не только сочетались, но порой вступали в конфликт или производили неожиданные эффекты, а главное – их контрапункт заметно отличался во времени и в пространстве» [7, с. 191].

Со временем проект советской национальной политики обнаружил собственный внутренний антитезис, который заключался в непреодолимости особенностей этнического сознания. Советские руководители, как оказалось, неоправданно полагали, что этническая специфика легко нивелируется классовой коммунистической идеей (лозунг «Пролетарии всех стран соединяйтесь!»). Политика коренизации, принятая советским руководством, содействовала развитию этнокультурной составляющей нерусских народов, формированию культурно-политических элит этнических меньшинств, которые впоследствии охотно приняли роль акторов национального сепаратизма. Стоит согласиться с Е. Нориным, который констатировал, что этнонациональные проблемы в СССР «никуда не делись, хотя их долгое время удавалось более или менее успешно загонять вглубь». Однако в перестроечный период кризис советской идеологии и духовно-политический вакуум стимулировал массовую популяризацию националистических идей среди нерусских народов [9, с. 7–9]. Это явилось значительным

фактором распада советской цивилизации. СНГ, который предполагался на смену СССР, так и не состоялся в качестве жизнеспособного проекта. Нынешняя Россия все еще сохранила определенную инерцию советской национальной политики, что вызывает раз за разом неоднозначную реакцию общественности. Наконец, никуда не делось глубокое социально-экономическое размежевание регионов, вплоть до поляризации, что проанализировано в ряде работ [12]. По мнению экспертов, дезинтеграция Российского цивилизационного пространства приморожена, но не остановлена [10], или, по словам Е. Норина, СССР давно не существует, но, как ни парадоксально, продолжается его распад [9, с. 287].

Данное обстоятельство не в последнюю очередь обусловлено расплывчатостью российской постсоветской идентичности во многом из-за непоследовательности государственного идеологического обеспечения. Бывший украинский политолог А. Ваджра, констатирует промежуточную идентичность современной России, считая ее балансирующей «на грани между типичным полувосточным / полуазиатским государством и Империей» [2, с. 496]. Схожую проблему ставит американец Дж. Фридман, считая, что в современном геополитическом раскладе всплывет «фундаментальный русский вопрос: если Россия – единое национальное государство, то где находятся ее границы и каковы ее отношения с соседями?» [11, с. 141]. Наконец, А. Дугин вынужден признать, что нынешний российский политический истеблишмент не собирается «ни растворяться в Западе, ни признавать того, что Россия есть самостоятельная цивилизация, и давать Западу последний бой. Ни власть, ни общество не готовы к столь резкому шагу» [5, с. 167]. Справедливость подобной позиции иллюстрируется 2014 годом, когда решительные действия по присоединению Крыма так и не получили продолжения, сменившись на крайне осторожную политику в отношении самопровозглашенных республик Восточной Украины: ДНР и ЛНР.

Таким образом, в качестве общего заключения мы намерены утверждать, что российская цивилизация в свете островной концепции выступает историческим явлением. Время ее онтологического генезиса насчитывает не менее пятисот лет. Отечественное цивилизационное бытие, с нашей точки зрения, подтверждается следующими фактами. Во-первых, враждебной реакцией западного мира, вполне естественной и типичной для цивилизационного конкурента. Во-вторых, спецификой политических и культурных процессов в Восточной Европе и постсоветском пространстве, вполне характерной для переходных и окраинных пространств. В то же время постсоветская цивилизационная неопределенность долгое время объяснялась политической непоследовательностью российского руководства. Последнее в одних случаях действовало как национальное государство, при этом ориентируясь прежде всего на западные критерии международной политики, в других – следовало логике империи с цивилизационными амбициями. Такие стратегические метания во многом препятствуют самоутверждению отечественной цивилизационной идентичности, а следовательно, и отстаиванию насущных геополитических интересов. Выходит, что постсоветская Россия выступала по большей части как «цивилизация в себе». И все же в настоящий момент происходит все большее ее втягивание в орбиту цивилизационной логики,

что происходит в первую очередь под воздействием самодовлеющих внешних обстоятельств, обусловленных активностью глобальных цивилизационных конкурентов. Это делает фактически неизбежным превращение России в «цивилизацию для себя» в недалеком будущем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анурин, В. Ф. От Москвы до самых окраин (социальное неравенство: региональный разрез) / В. Ф. Анурин. – Текст : непосредственный // Социология. – 2005. – № 3–4. – С. 232–252.
2. Ваджра, А. Украинский лимитроф в геополитическом раскладе Евразии / А. Ваджра. – Текст : непосредственный // Ваджра А. Распад. Хроника и анализ украинской катастрофы. – М. : Книжный мир, 2019. – С. 455–632.
3. Вульф, Л. Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Л. Вульф. – М. : Новое литературное обозрение, 1994. – 560 с. – Текст : непосредственный.
4. Делягин, М. Г. Конец эпохи: осторожно, двери открываются! Том I. Общая теория глобализации / М. Г. Делягин. – М. : Книжный мир, 2019. – 832 с. – Текст : непосредственный.
5. Дугин, А. Г. Четвертая политическая теория / А. Г. Дугин. – М. : Амфора, 2009. – 351 с. – Текст : непосредственный.
6. Ерасов, Б. С. Социокультурные и геополитические принципы евразийства: вызовы новой эпохи / Б. С. Ерасов. – Текст : непосредственный // Историческая психология и социология истории. – 2017. – № 2. – С. 122–148.
7. Ильин, М. Балто-Черноморская система. Матрицы и перспективы восточно-европейского политического развития / М. Ильин. – Текст : непосредственный // Космополис. – 2008. – № 1 (20). – С. 180–195.
8. Коровицына, Н. В. С Россией и без нее: Восточноевропейский путь развития / Н. В. Коровицына. – М. : Алгоритм, 2003. – 288 с. – Текст : непосредственный.
9. Норин, Е. Под знаменами демократии. Войны и конфликты на развалинах СССР / Е. Норин. – СПб. : Питер, 2018. – 288 с. – Текст : непосредственный.
10. Адекватны ли действия Москвы в СНГ? – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FivmV1vRU48&t=1264s> (дата обращения: 30.01.2023). – Текст : электронный.
11. Фридман, Д. Следующие 100 лет: прогноз событий XXI века / Д. Фридман. – М. : Эксмо, 2010. – 336 с. – Текст : непосредственный.
12. Халиков, М. С. Социологическая типология моделирования распределительных отношений в региональном социально-экономическом пространстве / М. С. Халиков. – Текст : непосредственный // Человек и современный мир. – М. : ИНФРА-М, 2002. – С. 287–299.
13. Хатунцев, С. В. Запад и «Евразийская квадрига» (Россия, Китай, Индия, Иран) / С. В. Хатунцев. – Текст : непосредственный // Политические исследования. – 2015. – № 6. – С. 45–52.
14. Цымбурский, В. Л. Народы между цивилизациями / В. Л. Цымбурский. – Текст : электронный // Pro et Contra. – 1997. – Том 3. – № 3. – URL: http://intelros.ru/2007/08/27/vadim_cymburskijj_narody_mezhdu_civilizacijami.html (дата обращения: 30.01.2023).
15. Цымбурский, В. Л. Остров Россия / В. Л. Цымбурский. – Текст : непосредственный // Политические исследования. – 1993. – № 5. – С. 6–27.

REFERENCES

1. Anurin V. F From Moscow to the Outskirts (Social Inequality: Regional Section). *Sociologiya = Sociology*, 2005, no. 3–4, pp. 232–252. (In Russian).
2. Vadzhra A. Ukrainian limitrophe in the geopolitical alignment of Eurasia. *Raspad. Hronika i analiz ukrainskoj katastrofy = Decay. Chronicle and analysis of the Ukrainian catastrophe*. M., Knizhnyj mir, 2019. Pp. 455–632. (In Russian).
3. Woolf L. *Izobretaya Vostochnuyu Evropu. Karta civilizacii v soznanii epohi Prosveshcheniya = Inventing Eastern Europe. Map of civilization in the mind of the Enlightenment*. M., Novoe literaturnoe obozrenie, 1994. 560 p. (In Russian).
4. Delyagin M. G. *Konec epohi: ostorozhno, dveri otkryvayutsya! Tom I. Obshchaya teoriya globalizacii = The end of an era: be careful, the doors are opening! Volume I. General Theory of Globalization*. M., Knizhnyj mir, 2019. 832 p. (In Russian).
5. Dugin A. G. *Chetvertaya politicheskaya teoriya = The fourth political theory*. M., Amfora, 2009. 351 p. (In Russian).
6. Erasov B. S. Sociocultural and geopolitical principles of Eurasianism: challenges of a new era. *Istoricheskaya psihologiya i sociologiya istorii = Historical psychology and sociology of history*, 2017, no. 2, pp. 122–148. (In Russian).
7. Ilyin M. Balto-Chernomorskaya system. Matrices and prospects of Eastern European political development. *Kosmopolis = Cosmopolis*, 2008, no. 1 (20), pp. 180–195. (In Russian).
8. Korovitsyna N. V. *S Rossiej i bez nee: Vostochnoevropejskij put' razvitiya = With and without Russia: East European way of development*. M., Algoritm, 2003. 288 p. (In Russian).
9. Norin E. *Pod znamenami demokratii. Vojny i konflikty na razvalinah SSSR = Under the Banners of Democracy. Wars and conflicts on the ruins of the USSR*. SPb., Piter, 2018. 288 p. (In Russian).
10. *Adekvatny li dejstviya Moskvy v SNG? = Are Moscow's actions in the CIS adequate?* URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FivmV1vRU48&t=1264s>. (In Russian).
11. Fridman D. *Sleduyushchie 100 let: prognoz sobytij XXI veka = The Next 100 Years: A Forecast of the Events of the 21st Century*. M., Eksmo, 2010. 336 p. (In Russian).
12. Khalikov M. S. Sociological typology of modeling distribution relations in the regional socio-economic space. *Chelovek i sovremennyy mir = Man and the modern world*. M., INFRA-M, 2002. Pp. 287–299. (In Russian).
13. Khatuntsev S. V. The West and the "Eurasian Quadriga" (Russia, China, India, Iran). *Politicheskie issledovaniya = Political studies*, 2015, no 6, pp. 45–52. (In Russian).
14. Tsymbursky V. L. Peoples between civilizations. *Pro et Contra = Pro et Contra*, 1997, vol. 3, no. 3. URL: http://intelros.ru/2007/08/27/vadim_cymburskijj_narody_mezhdu_civilizacijami.html. (In Russian).
15. Tsymbursky V. L. Ostrov Russia. *Politicheskie issledovaniya = Political Studies*, 1993, no. 5, pp. 6–27. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Кулик, С. В. Геополитическое бытие российской цивилизации: историософский ракурс / С. В. Кулик. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 1. – С. 163–172.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kulik S. V. Geopolitical Existence of Russian Civilization: Historiosophical Perspective / S. V. Kulik // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, No. 1, pp. 163–172. (In Russian).